

**ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ,
ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СПЕЦИАЛЬНОМУ УЧЕБНОМУ КУРСУ
«ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ»
В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
КАК ВУЗЕ, ИМЕЮЩЕМ СТАТУС НАЦИОНАЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА***

В последние годы государство проявляло повышенное внимание к развитию науки и высшего образования в нашей стране. Это нашло выражение в виде национальных проектов и крупных программ, в том числе Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». В рамках данной программы в составе коллектива совместного учебно-научного центра Новосибирского государственного университета и Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук выполняется научно-исследовательский проект, посвященный исторической демографии коренного населения Сибири в русское время в сравнении с демографическими процессами, протекавшими на зарубежных колонизируемых территориях. Одним из условий реализации проекта является разработка научно-образовательного курса по его тематике для студентов вуза. Соответственно, необходимо определить основные требования, предъявляемые к такому курсу в Новосибирском государственном университете как вузе, имеющем статус Национального исследовательского университета. В первую очередь, они должны состоять в возможности использования его материалов для повышения общеобразовательного уровня студентов нескольких специализаций – археологии, истории, этнографии и журналистики. Кроме того, по результатам прослушивания курса выпускники по данным специализациям должны освоить специфику, исследовательские методы, базовые принципы, понятия и терминологию демографических исследований, знать основные виды и типы существующих источников демографического характера, главные этапы развития исторической демографии как фундаментальной научной темы в нашей стране и за рубежом в целях применения этих знаний в будущих собственных исследованиях для квалифицированной разработки их демографической составляющей.

Ключевые слова: приоритетный национальный проект «Образование», Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», Национальный исследовательский университет, учебно-научный центр, исследовательский проект, население Сибири, коренное население зарубежных колонизируемых территорий, историческая демография, сравнения, учебный курс.

В последние годы государство проявляет повышенное внимание к развитию научно-образовательной сферы в нашей стране. Реализованы крупные программы и проекты совершенствования образования (от начального до высшего и послевузовского), обеспечивалось стимулирование интеграции фундаментальной науки и высшего образования по всей номенклатуре специальностей, поддерживались экспедиционные исследования, осуществлялось финансирование уникальных объектов в вузах (музеев,

ботанических садов, обсерваторий и т. д.). В самые последние годы крупнейшим из них стал приоритетный национальный проект «Образование», состоящий из ряда направлений и соответствующих программ. Он включает и деятельность по формированию сети университетов со статусом Федеральных и Национальных исследовательских, поскольку в соответствии со Стратегией развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г. основу государственного сектора науки и высшего

---

* Работа выполнена по ГК № П665 ФЦП «Кадры».

образования должны составить технически оснащенные на мировом уровне, укомплектованные квалифицированными кадрами, достаточно крупные и финансово устойчивые научные и образовательные организации. В 2009 г. статус Национального исследовательского получил и Новосибирский государственный университет, что стало подтверждением высокого уровня как организации в вузе научно-исследовательской работы, так и качества образования. Свой вклад в достижение этого успеха в сфере гуманитарного знания внесла и деятельность созданного в 1998 г. совместного сибиреведческого Учебно-научного центра (УНЦ) НГУ и Института археологии и этнографии СО РАН по специализациям «Археология», «Этнография» и «Востоковедение» (руководитель – академик В. И. Молодин) [Молодин, Скобелев, 2009].

В 2008–2009 гг. в ходе дальнейшей реализации направлений проекта «Образование» проходил ряд мероприятий по формированию тематики и подготовке заявок для участия в реализации задач новой Федеральной целевой программы (ФЦП) «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». Смысл проведения самой ФЦП «Кадры», как уже видно из названия, сводится, в первую очередь, к восполнению имевших место в последние два десятилетия крупных потерь кадров ученых и преподавателей вузов, которых не избежали и дисциплины гуманитарного профиля. Так, начиная с 2002 г., после периода некоторой шаткой стабильности 1995–1998 гг., возобновился отток кадров из науки, включая молодежь. Через 10 лет ситуация может оказаться катастрофической, поскольку указанные процессы будут усугублены очередным и очень глубоким демографическим кризисом. Поэтому конечной целью любого отдельного проекта в рамках ФЦП является создание условий для эффективного воспроизводства научных и научно-педагогических кадров, закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий, сохранения преемственности поколений в науке и образовании. Научно-образовательные центры при этом рассматриваются как основные инфраструктурные элементы Программы, обеспечивающие использование научной, кадровой, опытно-экспериментальной и приборной базы в исследовательском и учебном процессах,

а также рабочие места для молодых научных и научно-педагогических кадров и обучение в аспирантуре / докторантуре [Паспорт..., 2008].

В Программе под научно-образовательным центром (НОЦ) понимается структурное подразделение (часть структурного подразделения или совокупность структурных подразделений) научной, научно-производственной организации или высшего учебного заведения, осуществляющее проведение исследований по общему, связанному близкой тематикой научному направлению, подготовку кадров высшей научной квалификации на основе положения о научно-образовательном центре, утвержденного руководителем (руководителями) организации (организаций). Важнейшими квалификационными характеристиками научно-образовательного центра являются, в том числе, высокий научный уровень выполняемых исследований, не уступающий мировому, высокая результативность подготовки научных кадров высшей квалификации, участие в подготовке студентов по научному профилю научно-образовательного центра, использование результатов научных исследований в образовательном процессе [Там же]. Одним из условий поддержки проектов, выполняемых коллективами НОЦ, являлась и научная оригинальность темы исследования.

В результате в рамках ФЦП, первая очередь которой рассчитана на 2009–2013 гг., были поддержаны конкретные проекты различного уровня по всем отраслям знания, включая и гуманитарную составляющую, объединенные характером главной направленности – научно-образовательной. На их реализацию государством выделены значительные финансовые ресурсы. Один из таких проектов, посвященный исторической демографии, получен и НГУ в рамках названного Учебно-научного центра, что стало подтверждением факта высокого научного уровня и приоритетности выполняемых его коллективом исследований, результативности подготовки научных и научно-педагогических кадров, использования результатов научных исследований в образовательном процессе и т. д.

Изучение проблем демографии коренного населения Сибири в составе России в XVII–XXI вв. уже давно являлось одним из частных направлений научной работы

совместного УНЦ вуза и учреждения Российской академии наук в рамках этнографической проблематики. Данная тема, как показал опыт работы по ней, в том числе в ходе многолетнего чтения в НГУ на гуманитарном факультете и факультете журналистики учебного курса «Демография коренных народов Сибири в XVII–XXI вв.: колебания численности и их причины», отличается своей научной оригинальностью и высокой степенью общественной значимости. Созданный в 1998–2008 гг. научно-учебный задел и позволил в 2009 г. в рамках мероприятия 1.2. «Проведение научных исследований научными группами под руководством докторов наук и кандидатов наук» ФЦП «Кадры» подать соответствующую заявку, получить на 2009–2011 гг. финансирование для реализации по отдельному плану коллективом, состоящим из двух студентов, аспиранта и молодого ученого, проекта учебно-научного характера «Историческая демография коренного населения Сибири в составе Российского государства: сравнения с мировым опытом» (руководитель – канд. ист. наук С. Г. Скобелев). Целью указанного проекта является достижение научных результатов мирового уровня в ходе совместных исследований молодых ученых, аспирантов, студентов и опытных исследователей старших поколений в структуре научно-образовательного центра, а также закрепление в сфере науки и образования научных и научно-педагогических кадров. Поскольку деятельность нашего УНЦ, тематика и содержание заявленного проекта отвечали всем указанным выше основополагающим условиям [Деревянко и др., 2006], то, в свою очередь, соответственно, и к проекту должны быть предъявлены все требования, обеспечивающие эффективную реализацию задач ФЦП «Кадры».

Так, одной из важнейших задач и условием выполнения научно-исследовательского проекта в рамках данного мероприятия является участие руководителей проектов в разработке научно-образовательных курсов по новейшим направлениям науки, в том числе на электронных носителях, собственно и обеспечивающих выработку у учащихся интереса к конкретной научной проблематике, вовлечение их в исследовательский процесс. Поэтому перед нами встала насущная необходимость подготовить такой курс, точнее, существенно обновить программу и

содержание уже читаемого несколько лет курса. В связи с этим необходимо определить основные требования научно-образовательного характера, предъявляемые к этому обновленному курсу в вузе, имеющем статус Национального исследовательского университета.

В первую очередь, необходимо отметить, что курс, предназначенный в качестве факультативного для студентов всех лет обучения по специальностям «История» и «Журналистика», должен быть, как и основные, разработан в соответствии с Законом Российской Федерации «Об образовании» и Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования. Реализовывать курс следует в разделе «Общие гуманитарные дисциплины» стандарта и относить к его региональной компоненте, блоку дисциплин специализации, являющихся важнейшим дополнением для понимания главных положений, излагаемых в курсах «Основы археологии», «Полевая археология», «История Сибири», «Введение в этнологию» и иных, а также теоретической базой для проведения аспирантами самостоятельных исследований демографической направленности [Деревянко и др., 2005; 2006]. Необходимо использовать такие формы обучения, как лекции, читаемые преподавателем в соответствии с программой, выполнение практических заданий, анализ демографических ситуаций на картах и планах Сибири, самостоятельная работа учащихся. Методическая специфика курса – постоянное использование материалов статистического характера и практическая работа с ним во время лекционных занятий. В процессе чтения курса необходимо осуществлять не только устное изложение материалов, но и давать наглядные презентации в виде статистических таблиц и особенно графиков и диаграмм, наглядно показывающих те или иные тенденции в динамике численности, иллюстрирующих сравнения сибирских реалий с зарубежными и т. д.

Аттестация осуществляется по итогам работы в течение семестра и сдачи экзамена. Формы контроля уровня знаний должны соответствовать характеру и способу изложения основных материалов курса. Поэтому итоговый контроль усвоения дисциплины желательно предусмотреть в виде дифференцированного зачета, текущий контроль

осуществлять в рамках практических занятий в виде тестирования по окончании чтения основных частей курса (всего не менее 2, соответствующих главным событиям в демографии коренных народов и связанных как с установлением причин падений, так и роста их численности). Выполнение тестирования следует считать обязательным для учащихся, а результаты текущего контроля использовать для выставления оценок в ведомость контрольной недели, ведущуюся деканатом факультета. Вопросы к зачету (всего 2 в экзаменационном билете) следует построить таким образом, чтобы каждый учащийся отвечал на один из вопросов, относящихся к двум главным разделам курса – демографии дорусского (до начала XVII – первой половины XVIII в.: столь значительный временной разрыв объясняется разным временем вхождения отдельных территорий Сибири в состав России) и русского времени (с начала XVII – первой половины XVIII в. и вплоть до современности). В ходе приема зачета желательно предусмотреть практические задания, включающие проверку знаний и навыков, определяемых программой практических занятий.

Как всякий иной учебный курс, он также должен начинаться со вступительной части, вводящей учащихся в научную проблематику, объясняющей суть названия и его соответствие содержанию.

Во введении к курсу в первую очередь необходимо показать, что в современной исторической науке наиболее полное понимание сути общественного развития для населения всех регионов планеты достижимо лишь при учете его демографической составляющей. Без знания основных тенденций в демографии, конкретных размеров численности населения на различных территориях в отдельные исторические периоды, характера миграций и т. п. явлений и факторов невозможно познание хода развития человеческого общества, установление действительных причин тех или иных событий и фактов, особенностей процессов освоения территорий расселения, сложения археологических культур, формирования предпосылок государственности, способов и органов управления, административно-территориального деления, размещения производительных сил и т. д. На современном этапе развития нашей страны, характеризующемся падением совокупной численно-

сти населения как России в целом, так и Сибири в частности, важно также установить исторические причины такого явления. Поэтому необходимо отметить, что преподавание исторической демографии как важной общеобразовательной учебной дисциплины в системе специального исторического образования желательно осуществлять не только в вузах, имеющих статус федеральных или национальных исследовательских университетов, но и в классических университетах, институтах и университетах гуманитарного профиля нашей страны. Учащиеся должны усвоить, что под термином «историческая демография» следует понимать комплекс знаний, а также методов и приемов поиска, выявления и изучения основных явлений и тенденций в динамике численности древнего и населения письменных эпох, вплоть до современности.

Переходя к региональной составляющей курса, далее во введении необходимо подчеркнуть, что Сибирь – это крупнейшая географическая часть современной России. На ее просторах проживает, в том числе, более 1,2 млн человек коренного населения. Развитие этого региона всегда серьезно сказывалось и будет в дальнейшем определять будущее всей страны. В связи с этим, важно показать учащимся, что региональная компонента демографической составляющей высшего образования в Сибири, где в настоящее время во многих административных, а также крупных промышленных центрах, работают вузы, имеющие в своем составе, как и НГУ, факультеты гуманитарного профиля, приобретает определяющее значение. Данное обстоятельство уже осознается руководством ряда вузов Сибири, даже сугубо технического профиля (например, Сибирского государственного аэрокосмического университета им. акад. М. Ф. Решетнева в Красноярске), где читаются курсы сибиреведческого содержания, имеющие крупную составляющую демографического характера. Соответственно, желательно, чтобы учебный курс, наполняющий конкретным содержанием эту региональную компоненту в максимальной степени, охватывал всю историю населения Сибири, под которой следует понимать совокупность людей и народов разного этнического и расового происхождения, проживавших и живущих ныне на ее территории. Однако по объему используемых содержательных ма-

териалов подобный курс не может быть без потери качества их усвоения вмещен в рамки обычного спецкурса. Отсюда вытекает необходимость разделить его на части, которые могут стать самостоятельными учебными курсами. В данной связи наиболее оптимальным вариантом такого разделения с учетом имеющегося комплекса источников, а также практического опыта работы в этой сфере в НГУ, следует представить выбор в качестве темы курса демографическую историю коренного населения Сибири, желательно, с древнейших времен и до настоящего времени. Поэтому название курса может быть определено как «Историческая демография коренных народов Сибири».

Для определения дисциплинарной принадлежности курса, пригодности его для повышения квалификационного уровня учащихся различных специализаций, необходимо во время вводного занятия также показать, что историческая демография Сибири, как и многих иных регионов планеты, является предметом междисциплинарным и может, в зависимости от принимаемого к изучению периода, этнической принадлежности населения и т. п. факторов, относиться к сфере археологии, истории, этнографии или социологии. Так, для наиболее ранних этапов освоения человеком территории Сибири основные источники для демографического изучения дает археология, накопившая к настоящему времени значительный объем материалов, позволяющих проводить первичные определения численности носителей ряда археологических культур. С конца I тыс. до н. э. появляются первые письменные источники (вначале преимущественно китайского, затем центрально-азиатского, ближневосточного и европейского происхождения) по истории населения Сибири, что дает возможность составить также определенное представление и о его численности; соответственно, начиная с этого времени, сфера демографии расширяется за счет собственно исторической составляющей. Затем уже для периода после позднего средневековья демография приобретает и этнографическое содержание, поскольку появляются первые основания для выделения и локализации отдельных этносов, ставших предками современных коренных народов Сибири. И, наконец, в последнее столетие демография приобретает качества, позволяющие относить ее также

к сфере социологии. Исходя из указанных особенностей, демография как важная составляющая ряда научных дисциплин зачастую имеет с ними общие цель и задачи, иногда даже методологию исследования и назначение получаемых результатов. Таким образом, историческая демография может являться частью археологии, истории, этнографии, их отделом, помогая понять органичное единство прошлого и настоящего, раскрыть законы историко-культурного развития человеческого общества, и социологии как науки, призванной решать текущие проблемы развития народонаселения.

Далее в ходе вводного занятия важно довести до сведения учащихся, что историческая демография, как никакой иной отдел названных дисциплин, позволяет дополнить представление о собственно человеке – нашем предке или современнике, важной информацией о количественных характеристиках его общества, несомненно, зависящих от состояния и уровня развития материальной и духовной культуры и, в свою очередь, определяющих их. Динамика численности населения – это еще и «лакмусовая бумажка» благополучия самого общества на любой стадии его исторического развития. В связи с этим следует отметить, что в современных условиях развития гуманитарного знания исторической направленности особое значение приобретает задача получения наиболее объективных фактов демографии. Но это невозможно без качественного освоения исследователями-археологами, историками и этнографами базовых знаний относительно численности и состава населения на различных исторических этапах и, соответственно, основных методов и приемов демографического изучения применительно к ним. Такое освоение желательно начинать на самых первых стадиях обучения в вузе, независимо от характера избираемой исторической тематики, поскольку даже изучение истории первоначального освоения человеком Сибири невозможно без определения количественных размеров человеческих коллективов в это время; соответственно, для более поздних этапов истории региона оценка качества методов и способов получения своими научными предшественниками конкретных источников и материалов демографического характера также будет требовать определенного уровня подготовки. Правильный

и полный анализ этих материалов уже в ходе самостоятельных научных исследований позволит оптимально спланировать ход дальнейшего изучения процессов и явлений, выявления их действительных характера и причин. Поэтому чтобы интерпретация материалов была как можно более объективной, необходимы широкая компетенция и высокая методическая подготовка исследователя, для чего молодым ученым важно хотя бы в кратком изложении усвоить накопленный опыт демографического изучения, особенно с учетом результатов работ последних лет, обогативших науку важными достижениями.

Во вводной части курса необходимо также дать аналитический обзор главных концепций отечественных и зарубежных исследователей о демографическом развитии коренного населения Сибири, а также (для проведения в последующем корректных сравнений) на зарубежных колонизируемых территориях в позднем средневековье и последующее время. Для этого могут использоваться как выводы существующих историографических обзоров, так и собственные представления о ходе и результатах предшествующего изучения данной проблематики (по итогам самостоятельно проведенного анализа научных и статистических изданий последних лет). Целью и задачами обзора должны стать выявление основных тенденций, нерешенных проблем, спорных вопросов, оценка объективности соответствующих представлений в отечественной и зарубежной историографии относительно научной проблематики темы курса, обоснование методик корректных подсчетов численности населения, способов выявления возможных погрешностей, принятия для сравнений сибирских демографических реалий с зарубежными сопоставимых элементов хронологического, территориального, стадийного и этнического характера. Результатами такого обзора будут систематизация исходных данных, представляющих собой уточнения демографических сведений по Сибири, и базы данных по численности коренного населения зарубежных территорий до прихода колонизаторов и завоевателей (для Канарских островов, Карибской Америки, восточного побережья США, Австралии, Тасмании, Новой Зеландии, Юго-Западной Африки, Ирландии, Джунгарии и т. д.).

В завершение историографической части введения важно довести до сведения учащихся, что долгая, сложная и иногда противоречивая история присоединения Сибири, взаимоотношений русского и коренного населения, вызывала и вызывает до сих пор ожесточенные научные споры, зачастую переходящие в выводы политического характера. Последнее десятилетие характеризуется повсеместным пересмотром прежних исторических оценок и разномыслием по поводу конкретных событий сибирской истории. В нашей стране и за рубежом появилось множество околонуточных публикаций, а иногда и просто спекуляций на темы, включая связанные с историей и судьбой коренного населения региона. Смысл этих выступлений в итоге обычно сводится к негативному определению сути пребывания коренных народов Сибири в составе Русского государства и их культурных контактов с русскими людьми. В том числе в последние годы в научной литературе вновь возникли забытые к концу советского периода утверждения, что в русское время народы Сибири, как можно понять, ввиду особенностей политики государства и взаимоотношений с русским населением, были обречены на потерю собственной этнокультурной идентичности, медленное и мучительное вымирание. Соответственно, их авторами проводится мысль о печальной судьбе народов Сибири, имевших несчастье оказаться соседями русских людей. Так, Л. Р. Кызласов писал: «Как чудовищный каток, империя, подмятая под себя десятки сибирских племен и народов... неотвратимо докатилась до побережья Тихого океана» [Кызласов, 1996. С. 55]. Зачастую говорится и о возможности альтернативного развития населения, которое могло протекать в двух направлениях – самостоятельного или под властью какой-либо иной державы. Поэтому требуется на твердой и достоверной научной базе объективно излагать основные факты, относящиеся к развитию культуры и напрямую с этим связанной демографии сибирских народов, проводить взвешенные оценки, не содержащие столь характерных для современности увлечений публицистической стороной научных проблем, отмечать крайности в подходах к освещению сибирской истории, сообщающие нам о «сибирской колонии», об «истреблении коренных народов», их «насильственной ассимиляции»

и т. п. В этой связи необходимо выяснить реальную картину этнокультурного развития и динамику как совокупной для Сибири, так и численности отдельных коренных народов, выявить роль взаимоотношений с русскими людьми в жизни сибирских этносов. Чрезвычайно важным является также установление возможных альтернатив данным процессам, что реально можно сделать, охарактеризовав положение коренного населения на иных территориях планеты под властью европейских и азиатских держав в близкие исторические периоды.

В связи с выше изложенным формулируется цель курса, которая должна состоять в усвоении учащимися базовых знаний по исторической демографии населения Сибири, современных методов и приемов исследований демографического характера для различных этапов истории региона, дальнейшего использования этих знаний методов и приемов на практике в ходе самостоятельных исследований, в том числе для проведения сравнений в демографической сфере в Сибири в русское время и на зарубежных колонизируемых территориях в близкий исторический период. Цель курса будет достигаться в ходе решения основных рабочих задач, которыми являются:

- усвоение учащимися представлений о главных этапах демографии населения Сибири, их отличительных особенностях;
- формирование знаний об истоках, зарождении, главных направлениях и особенностях развития исследовательской практики в сфере демографии Сибири в нашей стране и за рубежом, знакомство с современными теориями и концепциями, дискуссионными проблемами и перспективными направлениями и методами в изучении исторической демографии;
- понимание высокой роли демографической составляющей в истории населения Сибири, характера научной проблематики, главных цели и задач в сфере изучения народонаселения, ставящихся перед каждым конкретным археологическим, историческим и этнографическим исследованием, объеме и характере предстоящих работ;
- формирование комплекса знаний об основных этапах заселения Сибири, численности населения региона в разные исторические периоды, главных событиях демографического характера;

- усвоение базовых сведений о демографическом развитии коренного населения на ряде зарубежных территорий под властью европейских и азиатских держав в период, близкий русскому освоению Сибири, формирование навыков аналитического мышления, способностей проводить адекватные сравнения в демографической сфере с сибирскими реалиями, умения соотносить проявления демографического характера с конкретными фактами хозяйственной и общественно-политической жизни обществ;

- знание необходимых условий, законодательной (нормативной), методической и материально-технической подготовки и проведения подсчетов численности населения;

- формирование представлений о видах и задачах научных исследований собственно демографического характера, порядке их организации, планировании и проведении конкретных работ с источниками, в том числе архивными, специфике их материально-технического обеспечения;

- усвоение главных требований к ведению документации, методов и приемов фиксации хода изучения источников, могущих дать результаты демографической направленности, подготовки баз данных, сводных статистических сведений.

Основные требования к уровню освоения курса учащимися предполагают знание лекционного материала, практические навыки в определениях численности населения на основании изучения источников археологического и письменного происхождения, самостоятельную работу с учебной и научной литературой. По итогам прослушивания курса учащийся должен знать:

- предмет, цель и задачи, специфику, исследовательские методы, базовые принципы, понятия и терминологию демографических исследований;

- главные этапы развития исторической демографии Сибири как фундаментальной научной тематики в нашей стране и за рубежом;

- основные виды и типы существующих источников демографического характера, в том числе применительно к Сибири и зарубежным колонизируемым территориям;

- порядок работы с учебно-методической и научной сибиреведческой литературой, материалами ясных книг, ревизий, демографических и хозяйственных переписей,

сведениями по текущему статистическому учету, статистическими таблицами, диаграммами, картами, научными отчетами;

- главные требования к ведению учетной документации демографического характера;

- методики определения численности населения по источникам различного характера с учетом наиболее распространенных типов половозрастной структуры общества;

- важнейшие особенности организации и проведения демографической составляющей в ходе археологических, исторических и этнографических исследований основных видов;

- причины главных явлений и тенденций в динамике численности населения Сибири, в том числе в сравнении с аналогичными процессами на зарубежных территориях в период, близкий русскому освоению Сибири.

Далее в заключение к вводной части курса следует привести состав и характеристики основных источников по его теме.

Для изучения сибирской демографии дорусского времени – это опубликованные материалы археологических исследований древних культур Сибири, особенно их статистическая составляющая, представляющая количество изученных и разведанных погребальных и памятников иных видов, а также сведения письменных источников, преимущественно китайского происхождения. Для русского времени источники представлены, в первую очередь, архивными документами (ясачные книги, отписки воевод и служилых людей, материалы деятельности ясачных комиссий, ревизские сказки, материалы статистических управлений административно-территориальных образований в Сибири, административно-правовые акты, неопубликованные статистические и прочие документы). Кроме того, часть источников, в том числе статистических материалов, опубликована (данные ясачных книг по ряду территорий Сибири в XVII в., например, Якутии, результаты текущего статистического учета населения органами МВД после последней ревизии 1859 г., сведения демографических и части похозяйственных переписей с 1897 по 2002 г., сведения о числе репрессированных в 1920–1930-е гг. по отдельным территориям лиц коренной национальности, опубликованные обществом «Мемориал» в «Книгах памяти», расчеты потерь населения в годы Великой Отечест-

венной войны и иных войн, историографические материалы и т. д.). При этом необходимо отметить, что Б. О. Долгих в 1960 г. были введены в научный оборот результаты выполненного им анализа данных ясачных книг для всей территории Сибири, как опубликованных, так и самостоятельно изученных в различных архивах [Долгих, 1960]. Большое значение имеет синтез источников разного плана и уже существующих достижений историографии с целью создания объективной картины демографического развития коренных народов Сибири.

Указанные архивные и опубликованные материалы по Сибири содержат объем сведений, способных наполнить конкретным содержанием уточненные базы данных по численности коренного населения Сибири. Они обеспечивают значительную фактологическую часть курса, что позволит решить ряд важных вопросов, необходимых для выявления основных демографических тенденций в XVII–XXI вв., включая установление размеров и причин потерь численности крупных групп коренного населения региона и факторах, которые могли на это повлиять.

Данные зарубежной историографии и опубликованных источников по истории колонизации, проводимой странами Запада, Османской и Цинской империями, прежде всего статистического характера (сведения из воспоминаний участников и очевидцев колонизации ряда территорий в Америке, Азии, Африке и Австралии, материалы исповедальных книг, отчеты губернаторов колоний, результаты демографических переписей, материалы обследований различных международных комиссий и комиссий ООН, историографические материалы демографического характера по населению различных зарубежных регионов), показывающие относительные и абсолютные потери численности населения колонизируемых или завоевываемых территорий в ходе их перехода и пребывания под властью метрополий (размеры потерь в ходе военных действий, связанных с ними голода, эпидемий и т. д.), необходимы для создания уточненных баз данных по численности коренного населения зарубежных территорий. Их анализ позволит обеспечить более объективное понимание основных концепций истории демографического развития коренных жителей, что особенно важно в связи с необхо-

димостью привлечения сравнительного материала для нашего исследования, включая установление потерь в период окончательного пребывания под властью метрополий [Скобелев, 2006а].

Имеющийся комплекс источников (сводные базы данных и выводы по итогам критического анализа существующих отечественных и зарубежных исследований по демографии коренного населения Сибири и зарубежных территорий, результаты их окончательных систематизации и анализа с целью получения объективных выводов по сути демографических процессов в Сибири в сравнении с аналогичными на зарубежных территориях), применяемые методики адекватных сравнений сопоставимых элементов хронологического, территориального, стадийного и этнического характера в демографической сфере, корректных подсчетов численности населения, способов выявления возможных погрешностей, позволяют в полной мере решить поставленные перед курсом задачи учебно-научного характера.

Собственно фактической составляющей курса относительно демографии Сибири должен стать комплекс сведений о динамике численности ее населения (с XVII в. – коренных жителей), состоящий из двух основных частей, определяемых по изложенному выше хронологическому принципу, одновременно являющемуся и рубежом как в плане количества источников письменного происхождения, так и с точки зрения резкого поворота в судьбах коренных жителей региона, вошедших в состав единого централизованного государства, т. е. дорусского и русского времени.

В качестве аннотации к содержательной части курса следует отметить, что история народонаселения Сибири, его формирование и развитие в дорусское время изучены очень слабо. Его численность можно установить лишь приблизительно. Поскольку подробно вопросы определения численности населения Сибири в дорусское и русское время на основе анализа большого ряда исследований, выполненных отечественными и зарубежными авторами, нами подробно изложены в ряде специальных работ [Москаленко, Скобелев, 2003; Скобелев, 2003а; 2003б; 2003в; 2006а; 2006б; Выборнов, Скобелев, 2009; Кузнецова, Скобелев, 2009а; Скобелев, 2009], далее ограничимся лишь

отражающими их суть посылками тезисного характера.

В эпоху палеолита в Сибири, преимущественно в ее южной, гористой части, проживали отдельные и немногочисленные коллективы людей – потомки выходцев из более южных районов Азии. В эпоху неолита границы проживания значительно расширились – археологические памятники стали известны уже на большинстве территорий Сибири, включая и отдаленные, северные районы. Данное обстоятельство означало рост численности населения, которое в данные эпохи времени имело расовый облик, близкий к монголоидному.

В эпоху энеолита (афанасьевская культура) численность населения в западной части юга Сибири заметно выросла за счет притока переселенцев из Прикаспия-Приуралья, принадлежавших к европеоидному расовому типу. Крупные притоки населения с запада и юга на территорию Южной Сибири отмечались в эпоху бронзы и позднее. В целом, до времени гуннского завоевания в III–II вв. до н. э. большинство населения Сибири, особенно в ее степной и лесостепной полосе от Байкала до Урала, было представлено носителями европеоидного расового типа. Монголоиды проживали в Забайкалье, бассейне Амура и почти по всей таежной и тундровой зонам Сибири.

Начиная с гуннского завоевания в Сибирь с юга и востока переселялись различные группы монголоидного расового облика. В гунно-сяньбийское время (рубеж эр) в Южную Сибирь с территории Монголии пришли гяньгуни и другие, видимо, тюркоязычные по происхождению племена. В дальнейшем они смешались здесь с местными европеоидными группами. В конце I тыс. н. э. к востоку от Енисея начинается продвижение с территории Восточной Монголии на север ранних монголов, ассимилировавших и вытеснявших далее на север и запад тюркоязычное население. Почти одновременно с этим из бассейна Амура начали свое движение на север и запад тунгусы. Эти миграции завершились тем, что к XVII в. монголоязычные буряты заселили большую часть южной полосы Сибири к востоку от Енисея, а тунгусы в своем движении на север и запад дошли почти до Северного Ледовитого океана и бассейна Оби.

Кроме притоков извне, фиксировались и уходы населения из Сибири. Так, носители афанасьевской культуры, видимо, полностью покинули территорию своего проживания в связи с переселением в южном направлении. Начиная со времени гуннского завоевания, территорию Сибири покинула также часть населения, вовлеченная в поток Великого переселения народов в западном (в Европу) и южном (в Среднюю Азию и Афганистан) направлениях. В первую очередь, это относится к носителям саргатской культуры, а также населению Саяно-Алтая. В южной части Западной Сибири в результате движения на запад монгольских племен различные группы тюркоязычного населения в 30-е гг. XI в. покинули свои земли на Алтае, по верхней Оби и Иртышу и переселились за пределы Сибири (в том числе в Северное Причерноморье).

На отдельных территориях Южной Сибири плотность населения в раннем железном веке была довольно высокой. Так, исходя из количества погребений тагарской культуры, можно полагать, что на верхнем и среднем Енисее ко времени гуннского завоевания проживало до 200–300 тыс. чел. Численность населения в лесостепной полосе юга Западной Сибири в это же время, исходя из количества памятников саргатской культуры, могла быть несколько ниже. Плотность археологических памятников в таежной и лесотундровой зонах для всех исторических периодов была заметно меньшей, что может говорить и о малой численности населения.

Первые косвенные сведения о численности населения на отдельных территориях Сибири можно получить из китайских и арабских письменных источников средневековья. Так, во второй половине I тыс. у басмылов (Южное Прибайкалье) насчитывалось более 2 тыс. семей (около 8 тыс. чел. всего населения), у бома (видимо, проживали в бассейне Ангары) численность «отборного войска» составляла 30 тыс. чел. (более 150 тыс. чел. всего населения), армия «царя кимаков» (юг Западной Сибири) в IX в. составляла 20 тыс. всадников (не менее 100 тыс. всего населения). В разноязычных надписях на уйгурской стеле 822 г. приведены разные сведения о численности ополчения енисейских кыргызов – 200 тыс. и 400 тыс. воинов (1–2 млн чел. всего населения). Однако обе эти цифры являются яв-

ным преувеличением – по данным китайской хроники в начале XI в. строевого войска у кыргызов насчитывалось лишь 80 тыс. чел., что соответствует более чем 400 тыс. чел. всего населения – это сама по себе весьма значительная численность. Всего на территории Сибири ко времени монгольского завоевания могло проживать не менее 1 млн чел. Однако в XIII в., после разгрома монголами туматов в таежной Туве, подавления восстания народов Южной Сибири против монгольского владычества, угонов в 1293 и 1295 гг. крупных групп населения Саяно-Алтая на территорию современной Маньчжурии и в Шаньдун (Восточный Китай), использования мужчин из числа покоренных народов в войнах в составе монгольских армий численность населения во всегда густонаселенной полосе юга Сибири к XIV в. заметно упала. Так, в начале XIII в. у кыргызов упоминалось несколько темников (командиров воинских соединений численностью в 10 тыс. чел.), но в конце столетия этот народ в составе монгольской империи Юань составлял всего 9 военно-административных единиц во главе с тысячниками, что соответствует приблизительно 45 тыс. чел. всего населения. После падения в 1368 г. созданной монголами империи Юань население Южной Сибири было вовлечено в междоусобные войны монгольских феодалов, в результате чего его численность продолжала снижаться. Например, в начале XVII в. у кыргызов насчитывалось всего 600 «боевых людей» (более 3 тыс. чел. всего населения).

Ко времени начала русского освоения на территории Сибири проживали народы различного происхождения, преимущественно выраженного монголоидного облика и частично смешанного – монголоидно-европеоидного. В лесостепной полосе от Урала до Байкала – тюркоязычные. Среди них в Саяно-Алтае еще фиксировались остатки не ассимилированного дотюркского населения – кето- и самоедоязычного, а также невыясненного происхождения (кумандинцы и иные на Северном Алтае). Тюркоязычное население в лице якутов проживало также по средней Лене, будучи вытесненным сюда ранее из Байкальского региона монголами. От Прибайкалья до Приамурья (в ряде районов чересполосно с тюрко- и тунгусоязычным населением) проживали монголоязычные буряты и дауры. Территория бассейна

Амура и большая часть тайги бассейнов рек Яна, Индигирка и Колыма были заселены племенами тунгусо-маньчжуроязычного происхождения; к западу от Лены тунгусы осваивали значительную часть территории таежной зоны бассейна Енисея и даже Оби. Таежную зону Западной Сибири занимали народы финно-угорского происхождения – манси и ханты (часть манси проживала также к западу от Урала). В восточной части бассейна Оби проживали селькупы (народ не установленного происхождения). По левобережью среднего и нижнего Енисея и частично на его восточном берегу сохранились группы кетоязычного происхождения, испытывавшие сильное давление со стороны тунгусов и бурят. Лесотундровая зона Западной Сибири была занята самодоязычным населением, часть которого (ненцы) проживала и на территории европейской части страны. Небольшая группа самодийского населения (тавги) проживала на Таймыре. Лесотундровая зона северо-востока Сибири была занята народами палеоазиатского происхождения; ранее ими была заселена значительная часть более южных районов, занятых затем тунгусо- и тюркоязычным населением.

В рамках курса особо следует отметить, что впервые численность коренного населения большей части Сибири получила отражение лишь в письменных источниках русского происхождения. Наиболее полно и достоверно вплоть до настоящего времени они были изучены и интерпретированы Б. О. Долгих [1960]. По данным использованных им ясачных книг, учитывавших взрослых мужчин-плательщиков (для установления общей численности населения применялся увеличительный коэффициент 4), на середину XVII в. в пределах тогдашних границ Русского государства в Сибири проживало около 160 (не менее 156 и не более 170) тыс. чел. коренных жителей: ненцев и энцев (самоеды, юраки и иные) – около 8 тыс.; манси (вогулы) и хантов (остяки) – 15–18 тыс.; селькупов (остяко-самоеды) – 3 тыс.; сибирских татар (включая большую часть тюркоязычного населения восточной части бассейна Оби – эуштинцев, чулымцев-тюрок, абинцев, шорцев и иных) – 15–20 тыс.; телеутов (белые калмыки, чаты) – 7–8 тыс.; енисейских кыргызов (включая кызыльцев, качинцев, сагайцев и иных) – 12–15 тыс.; кетов (котты, асаны,

аринцы, енисейские остяки и иные) – 4–6 тыс.; южных самодийцев (моторы и камасинцы) – около 2 тыс.; сев. самодийцев (тавги) – около 1 тыс.; эвенков и эвенов (тунгусов) – около 30 тыс.; якутов (саха) – около 28 тыс.; юкагиров – около 4,5 тыс.; бурят (братов и дауров) – около 25 тыс. чел. В Восточном Саяне проживали тюркоязычные карагасы (каригасы) – предки современных тофов (не более 1 тыс. на тот период) и сойотов; последние уже были в значительной степени ассимилированы бурятами и учитывались в их числе.

В рамках изложения фактических материалов курса важно отметить, что, как и в дорусское время, в последующий период также имели место миграции населения по разным причинам, связанные с уходами за пределы границ Сибири и даже России. Так, с конца XVII и до конца XIX в. тунгусы из Якутии в поисках новых промысловых территорий, а иногда в целях уклонения от уплаты ясака переселялись в незаселенный Амурский край, являвшийся пограничной, буферной территорией между Российской и Цинской империями; к концу XIX в. здесь их насчитывалось более 1 тыс. чел. После включения в начале XVIII в. в состав Русского государства территории Северного Приаянья часть коренного населения переселилась отсюда за Саяны (в Туву) – за период с 1709 по 1726 г. в документах значилось до 140 ушедших за «Камень» плательщиков ясака. Причинами переселений было нежелание уплачивать ясак, а также подстрекательства со стороны монгольских феодалов; сведений об уходе как форме протеста в ответ на возможные притеснения со стороны местной русской администрации не имеется. С начала XX в. буряты в силу экономических и политических причин (включая ошибки властей в проведении землеустройства) в значительных размерах начали переселяться на территорию Монголии и Китая на постоянное место жительства, что, вместе с иными причинами, негативно сказалось и на их численности в пределах границ СССР (падение с 288,6 тыс. в 1897 до 238,1 в 1926 и 225,0 в 1939 г.). Прекращение к 40-м гг. этих миграций и возвращение части населения привели к быстрому росту числа бурят в СССР (более 253 тыс. в 1959 г.). В 20-е гг. XX в. группа так называемых «бухарцев» (потомки выходцев из Средней Азии в составе сибир-

ских татар) с согласия властей переселилась в Турцию.

Относительно демографии коренного населения в русское время собственно внутри границ Сибири необходимо показать как ее количественную составляющую, так и основные тенденции в динамике численности. Однако в настоящей публикации нет необходимости приводить полный перечень этих сведений и тенденций, поскольку ранее они уже были изложены в специальных работах [Скобелев, 2002; 2003в]. Для полноты и объективности сравнений сибирских реалий с зарубежными следует остановиться лишь на тех моментах демографической истории, которые характеризовались потерями населения (излагаются на основании материалов наших работ, указанных выше).

Так, на динамику его численности в русское время негативно влиял ряд факторов – гибель в ходе войн, процессы ассимиляции, миграции, в том числе за границы Сибири, угоны иноземными захватчиками, повышенная смертность во время эпидемий и т. д.

В период присоединения и первоначального русского освоения региона его коренное население понесло безвозвратные потери в ходе боевых действий, которые можно разделить на три типа: между отдельными группами коренного населения; между русскими людьми и коренными жителями; между коренными жителями и иноземными агрессорами.

Дорусское время для большинства сибирских народов характеризовалось, как период ожесточенной межплеменной и межродовой войны. Наиболее известны борьба между ненцами и хантами, набеги енисейских кыргызов на соседей в Саяно-Алтае и севернее вплоть до нижнего Чулыма и Ангары, межродовые столкновения у якутов («кыргыс-уйэтэ» – эпоха раздоров), борьба тунгусов с якутами из-за охотничьих угодий, конфликты между «конными тунгусами» и бурятами, между «лесными» и «тундровыми» тунгусами, разгром тунгусами енисейских остяков и т. д. Включение Сибири в состав России не сразу привело к окончанию этих конфликтов. В течение XVII в. и несколько позже продолжались набеги ненцев на хантов и ответные действия последних, убийства тунгусами якутов, которых они заставляли в своих охотничьих угодьях на Витиме, Патоме и Олекме, от-

дельные столкновения между бурятами и тунгусами. Отмечалась частая гибель коренных жителей в ходе набегов кыргызов на русские ясачные волости (так, в течение XVII в. численность чулымцев сократилась примерно на 20 %, и лишь в первой половине XVIII в. с прекращением набегов кыргызов она стала быстро расти). В ходе вооруженных столкновений данного типа погибло около 0,5 тыс. чел. ненцев и хантов, 0,3–0,4 тыс. тунгусов и якутов, около 1 тыс. населения Саяно-Алтая, несколько сот бурятов и других, т. е. всего более 2 тыс. чел., что составляет несколько более 1 % совокупной численности населения на середину XVII в. Эти потери, незначительные для всего (совокупного) населения Сибири, для отдельных народов, например юга Приенисейского края, были велики.

Для большинства народов Сибири вхождение в состав Русского государства было преимущественно вынужденным, в первую очередь, из-за использования вооруженной силы и косвенной или прямой угрозы ее применения. Так, чаты и барабинские татары стали платить ясак под впечатлением разгрома Кучума, а аринцы на Енисее – «убояся войны государевых людей». Лишь на меньшей части территории Сибири присоединение было полностью добровольным и объяснялось желанием получить защиту от набегов врагов или надеждой при помощи русской вооруженной силы сломить соперников. Почти без какого-либо давления добровольно вошли в состав Русского государства еуштинские (томские) татары князя Тояна, кузнецкие абинцы князя Базаяка, выезжие телеуты на Северном Алтае, часть прибайкальских и забайкальских бурят и некоторые иные.

Включение в состав Русского государства большинства этносов Сибири сопровождалось военными столкновениями разной интенсивности и продолжительности как непосредственно в момент присоединения, так и во время восстаний через несколько лет после этого. Первые вооруженные столкновения между коренными жителями и русскими людьми происходили еще в конце XVI в. в ходе продвижения отряда Ермака. В ряде сражений против него участвовали сибирские татары, манси и ханты, понесшие определенные потери. Боевые действия продолжались и позднее. В начале XVII в. произошли первые столкновения с

енисейскими кыргызами, вооруженная борьба с которыми продолжалась с перерывами почти столетие (в 1692 г. в ходе крупнейшего по размерам потерь в истории Сибири сражения погибло и было взято в плен более 600 мужчин из числа кыргызов-тубинцев, в плен попали почти все женщины и дети). В ходе продвижения к востоку от Енисея имели место бои с тунгусами и бурятами. Ожесточенные сражения велись в ходе присоединения Якутии в 30-е – начале 40 гг. XVII в. В XVII–XVIII вв. происходили неоднократные столкновения с юраками (группа северных ненцев). Всего в боях против русских людей погибло около 3–3,5 тыс. кыргызов и их кыштымов (зависимого населения), не более 1 тыс. татар, вместе около 1 тыс. бурят, тунгусов и якутов и около 0,5 тыс. чел. из других народов, т. е. всего около 6 тыс. чел. Предполагая, что гибли в основном мужчины, таким образом в ходе боевых действий против русских людей погибло около 7,5 % мужского населения Сибири. При этом не менее половины числа таких потерь пришлись на долю енисейских кыргызов. Для остального населения совокупное число потерь мужчин колебалось в пределах 3–4 %. Потери были ощутимы, но для подавляющего большинства народов не имели серьезных последствий.

Коренные жители Сибири в пограничной полосе теряли в численности и в результате вторжений иноземных захватчиков – войск северо-монгольских Алтын-ханов, а затем и джунгар (западных монголов) в Западной Сибири до середины XVIII в., а также казахов и каракалпаков до начала XIX в. В конце XVII в. на северо-востоке Сибири начались и в течение части следующего столетия продолжались набеги независимых тогда чукчей на юкагиров. Общее число потерь, связанных с вторжениями иноземцев, по данным известных документов можно определить для сибирских татар (включая телесов и телеутов) в 1,5 тыс., населения юга Приенисейского края – 1,5–2 тыс., бурят и конных тунгусов – 0,8–1 тыс., юкагиров – несколько сот человек. Всего в результате таких вторжений погибло от 4 до 5 тыс. чел. обоюго пола из числа коренного населения, что сравнимо с потерями от рук русских людей. Боевые потери этого типа касались лишь части населения Сибири, но вновь одними из самых ощутимых они стали для коренных жителей Саяно-Алтая.

Джунгары использовали енисейских кыргызов в войнах против своих соседей. В 1687 г. на Алтае в одном из сражений было убито также 300 кыргызов вместе с князем Иренеком и его сыном Шапом. Чтобы восполнить потери, джунгары на следующий год вновь увели из Кыргызской земли мужчин и коней для войска, а также девушек и вдов для работ в Джунгарии. В 1703 г. джунгары осуществили почти полный угон кыргызов с Енисея (в верховья р. Или было переселено 3 тыс. дымов, т. е. семей, что составляет не менее 12 тыс. чел.). Последствия угона кыргызов, включая возвращение части угнанных, были преодолены лишь к концу XVIII в., когда в 1795 г. на юге Приенисейского края насчитывалось не менее 8,5 тыс. чел. коренных жителей мужского пола, т. е. совокупная численность населения почти полностью восстановлена. Часть телесов-двоеданцев (платили албан джунгарам и неокладной ясак русским властям) с р. Чулышман (количество их не установлено) была уведена с собой проходившими здесь в 1755 г. цинскими войсками. На оставшихся вскоре после этого совершил набег отряд казахов, и телесы были вынуждены уйти в район Улясутая в Монголии, где попали под власть Цинов. Часть телесов и телеутов в силу драматических событий джунгарского периода XVII – середины XVIII вв. и последующих лет не смогла вернуться на родину, войдя в состав калмыков, казахов и среднеазиатских кыргызов (телесов – Ошской области и Прииссыккулья, телеутов – племени Сары-Багыш). В ходе русско-цинских вооруженных столкновений во второй половине XVII в. маньчжуры переселили на территорию современного Китая большую часть дауров и дючеров, которые назад уже не вернулись. В результате угонов из списка народов России исчезли имена кыргызов, дауров и дючеров, а коренное население Сибири потеряло, как минимум, 20 тыс. чел.

На протяжении части XVII, большей части XVIII и почти повсеместно в XIX в. подавляющее большинство коренных жителей боевых потерь не несло. Вновь они стали известны только в XX в. В ходе подавления в сентябре 1920 г. антисоветского восстания в Томской губернии под руководством П. Лубкова в бою было убито более 300 татар Мариинского уезда. В истории Сибири данное событие является вторым по мас-

штабам случаем единовременной гибели коренных жителей в ходе боевых действий на ее территории. Боевые потери в ходе антисоветских выступлений были известны и у бурят, однако они исчислялись единицами. Размеры потерь данного рода при общей численности коренного населения на начало XX в. в несколько сот тысяч человек заметно на его демографическом развитии отразиться не могли, хотя для татар Томской губернии это было одним из тяжелейших событий в истории. В годы проведения коллективизации на территории Сибири отмечалось два восстания в национальных районах – на Таймыре в апреле-мае 1932 г. и на Ямале (среди ненцев) в 1934 г. Однако точные цифры потерь коренных жителей в ходе этих вооруженных выступлений пока не известны.

Коренные жители как граждане СССР – одного из главных участников Второй мировой войны, непосредственно участвовали в ней в составе действующей армии и несли боевые потери. В этом отношении они оказались лишены одной из важнейших своих льгот, которой пользовались на протяжении предыдущей эпохи – освобождения от рекрутских наборов и службы в армии. Бронь от призыва имели лишь мужчины из малочисленных этносов, главным образом, занятые на охоте (доставлявшие ценный валютный товар – пушнину); однако значительная часть их (например, у тофов – большинство) отправилась на фронт добровольцами, где воевали, преимущественно, в качестве снайперов.

Боевые потери в годы Великой Отечественной войны составляли в среднем по СССР 4,5–4,6 % от довоенной численности населения. Однако русские сибиряки, давшие по мобилизации и в качестве добровольцев за все годы войны максимальное число мужчин, понесли потери в размере, превышающем 5 %. Такие же потери понесло и большинство коренных народов Сибири. Для большинства из них это привело к заметной потере общей численности, что отмечалось даже ко времени переписи 1959 г.; по сравнению с 1939 г. ненцев стало меньше на 1,3 тыс. (с учетом всех ненцев, в том числе проживавших в Европейской части страны), селькупов на 2,1 тыс., эвенков на 5,6 тыс., эвенов на 0,7 тыс., алтайцев на 4 тыс., шорцев на 1,4 тыс., хакасов на 3,8 тыс., кетов на 0,3 тыс., якутов на 9,8 тыс.

чел. (по другим данным, якутов с 1939 по 1946 г. на территории автономии стало меньше на 20,3 тыс. чел.). Большинство названных народов от переписи 1926 до переписи 1939 и затем после переписи 1959 г., т. е. в мирные годы, показывали, в основном, рост своей численности. Поэтому причинами чрезвычайно низкого прироста совокупного населения Сибири за 20 лет (с 1939 по 1959 г.), а также падения за это время абсолютной численности большинства отдельных народов можно считать, главным образом, высокие потери на полях боев и очень тяжелые условия жизни в тылу в годы войны. Данная посылка косвенно подтверждается на примере тувинцев – народа, вошедшего в состав СССР только в 1944 г. и, соответственно, в меньшей степени ощутившего тяготы войны, численность которых за эти же 20 лет выросла с 62 тыс. чел. до 99,9 тыс., т. е. более чем на треть.

О степени тяжести людских потерь боевого характера можно судить и по такому косвенному признаку, как соотношение числа мужчин и женщин в составе коренных этносов. Обычно численность женщин была ниже (главным образом, из-за фактора родовой смертности). Но в 1959 г. число мужчин в процентах ко всему населению у абсолютного большинства крупных коренных народов Сибири (исключая татар) колебалось в пределах 43–49 %. Эти показатели, за редкими исключениями, очень близки данным, полученным у русского населения соответствующих территорий. У тувинцев же число мужчин в 1959 г. превышало число женщин и составляло 50,8 %. Таким образом, уверенно можно сказать, что эта война стала причиной крупнейшего за четыре столетия уменьшения численности коренного населения Сибири. Ее последствия для большинства народов не были преодолены даже к концу 50-х гг., несмотря на благоприятные социально-экономические условия и успехи медицины.

Гитлеровский план «Ост», предусматривавший создание послевоенного «нового порядка» на захваченных землях СССР, очень мало уделял внимания территории Сибири, поскольку предполагалось, что она целиком отойдет под власть Японской империи. Однако уже в ходе войны руководство фашистской Германии начало рассматривать варианты подчинения себе территории Сибири почти до Енисея на вос-

токе, имея целью заполучить Кузбасс. В таком случае коренных жителей Западной Сибири, преимущественно относящихся к монголоидной расе, ждала бы еще более печальная участь, чем та, что готовилась для народов европейской части страны, которые теоретически могли быть частично онемечены. Поэтому даже большие людские потери в войне были для них гораздо меньшей бедой, чем катастрофа в случае победы Германии.

В Сибири в русское время шли широкие процессы ассимиляции – внутренней, т. е. между коренными народами, и внешней, т. е. с пришельцами, главным образом, русскими людьми. Через брачные контакты ненцев и северных коми в XIX в. образовалась особая этнографическая группа колвинских ненцев («колва-яран»), фактически исключенная из процессов этнической консолидации ненецкого народа. По этнографическим данным XX в. среди сибирских ненцев не менее 12 % происходили от ассимилированных ненцами хантов и не менее 8 % – от ассимилированных ненцами энцев. В XVII в. на Таймыре слились в единое целое «пясидская самоедь» и тавги, образовав новое племя нганасан, которое в XVIII в. ассимилировало часть тунгусов-ванядов (маятов). Заметным явлением в процессах ассимиляции XVII–XX вв. была начавшаяся задолго до этого тюркизация угро-, кето-, самоедоязычных и других групп по всей зоне таких контактов от Урала по Саяны и в Якутии. Среди наиболее масштабных здесь следует отметить: в XVII–XVIII вв. – ассимиляцию татарами некоторых групп южных хантов; в XVII–XIX вв. – селькупского и тунгусского населения в Томском Приобье со стороны различных местных групп тюркоязычного населения; в XVII–XIX вв. – кето- и самоедоязычных этнических групп на Енисее (аринцы, ястынцы, котты, моторы, камасинцы, асаны, кашинцы и другие) со стороны качинцев, тубинцев и других тюрков; к концу XIX в. – значительную степень тюркизации кумандинцев со стороны окружающего тюркоязычного населения. К началу XX в. тунгусы и юкагиры были в значительной степени тюркизированы со стороны якутов почти по всей территории современной Якутии. В XVIII в. на Таймыре продолжали якутизироваться оленные эвенки (роды Эджен, Долган и др.), которые впоследствии стали основой нового тюрко-

язычного народа – долган. В то же время ассимилировались тюрки и некоторые отореченные группы, проживавшие среди более многочисленных соседей, в первую очередь бурят. Так, к концу XIX в. почти завершились процессы ассимиляции карагасов в Прибайкалье. В XVIII–XIX вв. в состав бурят вошли и тунгусы, проживавшие в Южном Прибайкалье и Западном Забайкалье. В настоящее время насчитывается около 20 родовых групп тунгусского происхождения, что округленно составляет 10 % от общего числа бурятских родов. Тунгусский компонент в составе бурятского народа так велик, что это сказалось и на языке, и на его антропологии: современные буряты в данном отношении заметно отличаются от других народов монгольского происхождения. К концу XIX в. почти исчезли тунгусы в междуречье Оби и Енисея, растворившись, в том числе, среди селькупов и чулымских тюрков. Ассимиляции со стороны тунгусов, а затем якутов и позднее чукчей подверглись юкагиры.

В связи с изменениями административного устройства к концу XIX – началу XX в. относится формирование из ряда мелких этно-территориальных групп двух более крупных этнических общностей на части территории Томской губернии (ныне территории Кемеровской области) – шорцев и телеутов. В их составе растворились абинцы, часть бирюсинцев (другая часть вошла в состав хакасов), ачкыштымы, тьюльберы, шуйцы, кумышцы, керетцы, тагапцы, выезджие телеуты. В 20–30-е гг. XX в. в ходе проведения национально-территориального районирования в Средней Сибири исчезли такие этнические группы, как качинцы, сагайцы, кызыльцы, бельтыры, койбалы, чулымские тюрки; все они официально стали хакасами. Но если первые пять названных групп к настоящему времени действительно слились в единый народ, то чулымские тюрки, жившие среди русского населения за пределами границ Хакасии, почти слились с последними, хотя в середине 70-х гг. около 1 тыс. их и записались хакасами. В начале 60-х гг. хакасами записались и последние камасинцы. К концу XX в. процессы этнической ассимиляции у небольших этносов продолжали нарастать. Они вместе с рядом других факторов сдерживали рост численности некоторых малочисленных или сильно рассеянных на больших территориях эт-

носов. Из числа крупных сибирских этносов это относится в первую очередь к тунгусам, расселенность которых на обширных территориях вела к их слиянию с соседями – бурятами, якутами, русским и другими народами. Процессы ассимиляции, особенно заметные с XIX в., привели к существенному изменению этнической карты Сибири. Именно они играли определяющую роль в имевших место замедлениях роста, колебаниях численности или общего уменьшения, иногда вплоть до полного исчезновения отдельных этнических групп. Но в 90-е гг. наметились и обратные процессы. Ряд потомков небольших этнических групп, ранее вошедших в состав более крупных коренных народов (алтайцев, бурят и татар), поднимали вопросы о выделении их из этих этносов и добились признания в качестве отдельной национальности (телеуты и др.).

Шли активные процессы ассимиляции и со стороны русского населения. К середине XIX в. это привело к полному слиянию с ним целого ряда территориальных групп коренных жителей, таких как «канские татары», чулымские тюрки, проживавшие по рекам Кия, Б. и М. Кемчуг, эвенки бассейна средней Ангары, буряты или обуряченные тунгусы западной части Прибайкалья и бассейна верхней Ангары, все коренное (тюркизированное к тому времени) население Красноярского лесостепного района и не переселившееся на левобережье (также в основном тюркизированное) население правого берега Енисея от Восточного до Западного Саяна (включая всех койбалов), большинство так называемых «сымских остяков». К концу XIX – началу XX в. это были районы чисто русского крестьянского расселения и коренные жители там уже официально не фиксировались. Как показали результаты антропологических обследований в бассейне Ангары, у русских старожилов прослеживается заметная монголоидная примесь, свидетельствующая о недавних процессах расового смешивания. К концу XIX в. фактически обрусели буряты, проживавшие между реками Хилок и Чикой (Цонголов род); в результате олонская русская группа Забайкалья отличается явными признаками монголоидности, свидетельствующими о массовости смешения с местным населением: доля бурят, вошедших в эту группу, составляет примерно 40 %,

а эвенков – 20 %. В XIX в. на территории Бурятии по рекам Селенга и Уда также появилась крупная смешанная группа в результате масштабной деятельности Троицко-Селенгинского монастыря, выкупавшего за калым у бурят женщин и выдававшего их после крещения замуж за русских мужчин (беглых и ссыльных). По данным антропологических исследований, в забайкальских популяциях смешанного происхождения доля бурятской крови в целом составляет более 40 %. Антропологические обследования русского населения на верхней Лене выявили бытовавшую здесь в XVIII–XIX вв. сильную метисацию, уменьшившуюся затем в результате нового прилива русских поселенцев. Здесь в русскую среду вошла крупная группа якутов. Старожильческие группы русского населения, проживающие в Заполярье от Лены до Колымы, включили в свой состав значительное число местных жителей – юкагиров, тунгусов и якутов. В настоящее время большая часть этих русских групп близка по своему расовому типу якутам при наличии явных следов участия в этническом смешении эвенков и юкагиров.

В меньшей степени процессы вливания коренного населения в состав русского характерны для юга Западной Сибири, поскольку проживавшие здесь татары (как и другое мусульманское население) по причинам религиозных различий в XVII–XIX вв. слабо вступали в контакты с русским.

Большое влияние на динамику численности некоторых народов в XX в. оказали процессы индустриализации и связанной с этим урбанизации. Наиболее ярким примером является судьба шорцев, проживающих в основном на территории Кемеровской области – одной из самых урбанизированных в России. Так, по переписи 1897 г. учтено более 12 тыс. шорцев, а в 1989 – лишь 9,3 тыс. В 1970 г. только за пределами РСФСР проживало 1,5 тыс. шорцев. В последние десятилетия шорцы стали одним из самых урбанизированных народов не только Сибири, но и страны в целом. Оказавшись в иноэтнической среде, в отрыве от родных мест, весьма значительная часть шорского народа не могла не подвергаться широким процессам ассимиляции и растворялась среди других этносов, в основном в русском. Если до 1970 г. еще шел общий численный рост шорцев, то с 1979 г. фиксировался спад как

в Кемеровской области, так и по стране в целом.

Одновременно и русское население влиялось в состав коренного. Эти процессы, хотя и уступавшие по массовости первым двум, имели место на всей территории Сибири. Наиболее заметны они в районах, где русское население по своей численности уступало коренному, например, у так называемых «затундренных крестьян» на Таймыре, участвовавших в сложении нового сибирского народа – долган, и у «ленских ямщиков», частично вошедших в состав якутов.

Часть коренного населения (особенно тунгусы, частично манси, ненцы, буряты и иные) в силу хозяйственных потребностей осуществляла как внутрисибирские, так и миграции за пределы границ Сибири, что приводило к распылению этносов на обширных территориях, расширению сферы этнических контактов, сопровождавшихся ассимиляцией.

В период широкого распространения ламизма в Бурятии и Туве значительная часть мужчин находилась в монастырях-дацанах в качестве монахов и из-за обета безбрачия не участвовала в естественном воспроизводстве населения. Так в Урянхайском крае к концу 1916 г. насчитывалось около 10 тыс. лам: столь большое количество оторванных от воспроизводства населения мужчин при 60–100 тыс. общего населения (точные сведения о численности тувинцев на данный период не могут быть установлены по состоянию источников) негативно сказывалось на росте численности. Ликвидация дацанов в 20–30-е гг. привела к положительным последствиям в сфере демографии в Бурятии и Туве.

В Сибири в XVII – начале XX в. в числе прочих факторов, негативно сказывавшихся на динамике численности коренных жителей, были эпидемии. Здесь отмечались многие из известных в мире болезней – оспа, тиф, корь, сибирская язва, туберкулез, проказа, «французская» или «любопытная» болезнь (сифилис) и даже холера. Иногда болезни классифицировались точно, иногда в источниках они назывались «моровой язвой», «моровым поветрием» и т. д. Наиболее широко эпидемии были распространены в XVII и XIX вв., когда отмечались потепления климата. В XVIII в. эпидемии фиксировались в значительно меньших размерах,

что было связано с более низкими температурами в данный период. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев известных в Сибири эпидемий не представляется возможным установить точное число их жертв, даже применительно к XX в. Такой подсчет осложняется либо отсутствием в документах сведений о конкретном числе погибших, либо вообще отсутствием подобных документов. Наибольшие масштабы гибели людей от эпидемий фиксировались в 30-е гг. XVII в., когда на отдельных территориях севера таежной зоны и в тундре Западной Сибири умерло более половины коренного населения. В последующем эпидемии были известны на ряде других территорий Западной и Восточной Сибири, но к таким большим потерям они уже не приводили. Коренные жители несли от эпидемий потери обычно в больших размерах, чем русское население, что объяснялось разным уровнем жизни и особенностями питания.

В советское время в связи с ускоренным развитием здравоохранения большинство заразных заболеваний было ликвидировано. Последние, незначительные по масштабам эпидемии, были известны среди коренного населения в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в., а также в годы Великой Отечественной войны. В целом по Сибири прослеживалась определенная широтная зональность распространения заболеваний. Наиболее подвержены им были жители северных широт – зоны тундры и лесотундры. Именно здесь были известны наиболее масштабные и частые эпидемии. Жители таежной зоны были уже менее подвержены эпидемическим заболеваниям. Менее же всего от этого страдали народы Южной Сибири, проживавшие в зоне степи и лесостепи. В целом, для совокупного коренного населения Сибири, с учетом высокой численности южносибирских этносов, эпидемии не имели серьезных последствий и не привели к снижению его общей численности. Говорить о вымирании из-за болезней коренных сибиряков не приходится. Нет сведений о полной гибели в результате болезней какой-либо этнической группы. Даже те народы, у которых потери от болезней были максимальными, сохранились вплоть до настоящего времени. Не существующие в настоящее время этнические подразделения исчезли не по причине гибели от болезней, а в результате действия целого комплекса

факторов, главными из которых были широкие процессы ассимиляции.

Вторая половина XIX и XX вв. для коренных жителей охарактеризовались расширившимся поступлением к ним спиртных напитков. Масштабы такого поступления в связи с установлением практически постоянных и широких связей с русскими людьми были значительно большими, чем в любой период ранее. Фактически началась новая многолетняя медленнодействующая «эпидемия», все последствия которой до конца еще не проявились. В конце XX – начале XXI в. в Российской Федерации действовали самые либеральные из числа стран Арктики законы, регулирующие порядок продажи алкоголя.

В связи с процессами ассимиляции и миграциями, распространением эпидемий и алкоголизмом со второй половины XIX в. получило широкое распространение представление о якобы вымирании коренного населения в Сибири. Так, «Сибирская газета» публиковала сообщения, подобные следующему: «...инородческое население Минусинского округа... вымирает с такой быстротою, при которой еще через двадцать лет, мы вполне надеемся, не будет в долинах р. Абакана ни одного туземца». Однако имеющиеся статистические данные опровергают подобные утверждения. Сведения первой Всероссийской переписи населения 1897 г. показывают, что численность коренных жителей за Уралом составила более 822 тыс. чел., т. е. увеличилась приблизительно в 4 раза по сравнению с серединой XVII в. Только с 1816 по 1897 г. число мужчин в составе коренного населения выросло с 220 тыс. до 413 тыс. чел., т. е. на 87,7 %. Рост численности продолжался и в XX в., за исключением периода Великой Отечественной войны.

Конец 50-х – 60-е гг. XX в. характеризовались высокими темпами роста почти всех сибирских этносов. Заметное улучшение бытовых и жилищных условий, успехи здравоохранения, продовольственное благополучие оказали прямое положительное воздействие на динамику численности. Уровень медицинского обеспечения у ряда коренных народов был выше, чем в целом по стране. Для этого и последующего периода (до начала 90-х гг.) были характерны снижение показателей детской смертности и высокая рождаемость (особенно заметно

проявлявшиеся у тувинцев и бурят). Наибольший прирост наблюдался у народов, расселенных компактными массивами.

Во второй половине XX в. у большинства народов Сибири наметился переход к современному (малодетному) типу семьи, который к концу столетия стал почти свершившимся фактом на ряде территорий. В 90-е гг. процесс падения рождаемости был дополнительно усилен социально-экономическим кризисом. В результате, например, в Горном Алтае коэффициент рождаемости (для всего населения) к 2000 г. по сравнению с 1989 сократился с 21,8 до 14,2 ‰. Хотя уровень рождаемости у коренных жителей был несколько выше, чем у русского населения республики, тенденция ее неуклонного падения налицо. Прирост совокупного коренного населения Сибири продолжался даже в кризисные 90-е гг., хотя его размеры были заметно ниже, чем в 80-е гг. При этом прирост русского населения на территории большинства автономий Сибири в те же годы был отрицательным. С первых лет XXI в., после резкого снижения в 90-е гг. темпов прироста коренного населения, ситуация начала несколько улучшаться.

По данным последней переписи (2002 г.) в Сибири (исключая Дальний Восток и Северо-Восток) совокупное число коренного населения (включая всех ненцев, манси и эвенков, частично проживавших за пределами границ Сибири, но исключая тувинцев, лишь с 1944 г. ставших гражданами СССР, а также эвенов, в основном проживавших за пределами границ Сибири) составило 1 202 861 чел. обоего пола, что более чем в 7,5 раз выше уровня середины XVII в.

С конца XVI в. начинается вторая волна заселения Сибири, преимущественно, носителями европеоидного расового облика, в данном случае, в лице русских людей. Переписей быстро растущего русского населения в XVII в. не проводилось. Велся лишь текущий учет по каждой административной территории. Исходя из совокупности этих сведений, можно полагать, что уже к концу XVII в. русское население в Сибири сравнялось по численности с коренным. В последующем, в связи со значительным численным преобладанием пришлого населения, определяющими для демографического развития Сибири стали процессы, происходившие в среде русского населения. Однако

коренные жители в составе совокупного населения продолжали составлять достаточно крупную ее часть вплоть до начала XXI в.

Далее в содержательной части курса следует подчеркнуть, что понимание сути динамики численности коренного населения Сибири, не всегда заключающейся лишь в его росте, характеристика причин реально имевших место потерь населения, формулирование завершающих выводов относительно главных и фундаментальных отличий с численностью коренных жителей в Сибири и иных колонизируемых регионов планеты, причин положительных отличий в демографической сфере в Сибири от преимущественно негативных, на большинстве зарубежных территорий, требует проведения объективных сравнений с демографическими процессами, протекавшими там в сходных условиях. Поэтому необходимо привлечение комплекса соответствующих содержательных материалов, а также результатов анализ концепций отечественных и зарубежных исследователей относительно процессов демографического развития коренного населения отдельных стран и регионов планеты, что одновременно позволит и существенно пополнить методическую базу планируемого курса.

Собранные нами для реализации задач курса содержательные материалы данного рода относятся к большинству зарубежных территорий, завоеванных и колонизованных европейскими и азиатскими державами в период, близкий ко времени присоединения и дальнейшего русского освоения Сибири. Это сведения о демографических процессах, протекавших на Канарских островах, Америке, Австралии, ряде стран Африки, Ирландии, Османской империи, Джунгарии и в иных регионах [Скобелев, 2006б; Кузнецова, Скобелев, 2009б].

На иных территориях планеты, как и Сибирь, попавших под власть европейских держав, этнокультурная и демографическая ситуации были очень тяжелыми. Так, коренное население Канарских островов, Карибского бассейна, Тасмании исчезло полностью. Два века спустя после открытия Колумбом Америки общая численность ее коренного населения сократилась на 90 % [Баумгартен, 2008]. В США коренное население с 845 тыс. чел. (по другим данным, на начало XVII в. его численность в пределах современных США достигала около 2 млн чел.,

что также является сильно заниженной цифрой) уменьшилось к 1880 г. до 244 тыс. чел., в Канаде с 220 тыс. чел. упала к 1901 г. до 93 тыс. чел. В одной из провинций Канады – Британской Колумбии с 70-х гг. XIX в. численность коренных жителей упала на 90 % [Рид, Уоттс, 2001. С. 8].

Другая крупная колонизируемая Великобританией территория – Австралия властями была официально объявлена «незаселенной» страной. Поэтому у аборигенов вообще отсутствовал какой-либо правовой статус и в XVIII–XIX вв. «туземцев убивали как диких животных», «как ворон» [Price, 1950. P. 107, 114]. Только в 1967 г. представители коренного населения получили равные с белыми права, включая право на австралийское гражданство. По примерным оценкам, численность аборигенов на начало заселения Австралии европейскими колонизаторами (1788 г.) составляла около 750 тыс. чел.; к 1911 г. их насчитывалось всего 31 тыс. Большинство погибли вследствие инфекций, депортаций, резни и голода. В течение XX в. Австралия активно проводила политику ассимиляции коренного населения: многие дети аборигенов были насильно отданы на воспитание в семьи белых [Вртанесян, Паляян, 2008а]. Примерно в таком же положении находились маори Новой Зеландии, численность которых с 200 тыс. упала к 1871 г. до 37 тыс. чел.

В 1884–1908 гг. тяжелейшие потери понесло население Конго, которое входило в состав личных владений короля Бельгии Леопольда II. Цифры потерь варьируются от трех до десяти миллионов убитых и преждевременно умерших. В 1920 г. население Конго составляло лишь половину населения 1880 г. [Вртанесян, Паляян, 2008б].

В 1904–1907 гг. немецкими войсками уничтожено около 65 тыс. чел. (80 % племени) гереро и 10 тыс. (50 % племени) нама – народов Юго-Западной Африки [Вртанесян, Паляян, 2008в]. По данным 1905 г. оставалось около 25 тыс., в основном женщины и дети. Они были помещены в концентрационные лагеря, поэтому множество гереро дополнительно погибло из-за ужасных условий и рабского труда [Drechsler, 1985].

В 1641 г. в Ирландии проживало более 1,5 млн чел., а в 1652 г., после завоевания войсками Кромвеля, осталось лишь 850 тыс., из которых 150 тыс. были английскими и шотландскими новопоселенцами;

в 1845–1849 гг. здесь разразился голод, погубивший более 1 млн чел. и усиливший миграцию (выехали 1,5 млн чел.) – в итоге в 1841–1851 гг. население Ирландии сократилось на 30 % и стремительно уменьшалось в дальнейшем: с 8 млн 178 тыс. в 1841 г. до 4 млн 459 тыс. чел. в 1901 г. [Мортон, 1950. С. 222; Тарасов, 2008].

В 1915–1923 гг. в Османской империи погибло 1,5 млн чел., преимущественно армян, а около 600 тыс. их рассеялись по многим странам мира. Западная Армения полностью лишилась своего коренного населения. Одновременно в Османской империи были уничтожены или изгнаны почти все ассирийцы и абсолютное большинство греков [Вртанесян, Паляян, 2008г].

В результате захвата в середине XVIII в. территории Джунгарии (по границе с Южной Сибирью) войсками Цинской империи ее коренные жители были почти поголовно истреблены: джунгар в «...один год погибло до миллиона народа и на пространстве лучших их кочевьев от Тэмиртунора (Иссык-Куля) до Тарбагатая не было ни одной кибитки» [Валиханов, 1958. С. 321]. По Черепановской летописи, в Джунгарии «люди и скот весь вырублены без остатку, так что и в плен их не брали, только те спаслись, которые убежали в Российские границы» (цит. по: [Златкин, 1964. С. 455]). В жернова этой истребительной войны попали, например, и теленгиты, остатки которых спасались затем за русской границей; если в конце XVII в. численность теленгитского отока Джунгарии составляла 4 тыс. семей (около 20 тыс. чел.), то их число в конце XVIII в. определено приблизительно не более чем в 500 чел. [Екеев, 1999. С. 226]. Таким образом, налицо важное отличие: если русское завоевание Южной Сибири – самое кровопролитное в истории Сибири, стоило коренному населению не более 4 % совокупного населения, то завоевание Цинами Джунгарии было на порядок тяжелее (на примере с теленгитами – более 97 % потерь).

Подобные или близкие по сути ситуации и явления имели место и на ряде других территорий планеты.

В заключение курса необходимо сделать общие выводы, отражающие суть изложенных в нем содержательных материалов. Так, следует показать, что по итогам реализации цели и задач данного курса, выполнения предъявляемого к нему комплекса требова-

ний, впервые в отечественной и зарубежной учебно-научной практике в максимально возможной степени выявлены, доказаны, охарактеризованы и доведены до сведения слушателей все виды причин и исторических закономерностей, приводивших как к росту, так и колебаниям совокупной численности коренных жителей Сибири. С точки зрения демографии коренного населения охарактеризовано реальное значение вхождения и пребывания этого региона в составе России. В ходе проведения соответствующих сравнений положительная динамика численности совокупного коренного населения региона (рост со 160–200 тыс. чел. в середине XVII в. до более чем 1,2 млн чел. в 2002 г.) охарактеризована как исторический феномен, уникальный положительный пример на фоне аналогичных ситуаций в XVII–XX вв. на иных территориях Азии (в Цинской и Османской империях), в колониях европейских стран в Азии, Америке и Австралии, в США, ряде иных государств, где коренное население серьезно падало в численности, иногда почти до полного исчезновения. Особо необходимо подчеркнуть, что одним из общественно-политических результатов по итогам прослушивания курса с привлечением опыта зарубежных стран, позволяющего изучить демографическую ситуацию в сравнении и, таким образом, более глубоко рассмотреть положительный характер демографических тенденций в данном регионе России, станет для учащихся возможность осуществить положительную коррекцию образа нашей страны, народа и государства, как обеспечивших увеличение численности и сохранение коренных этносов Сибири.

Учебно-методическое обеспечение курса, отражаемое в библиографическом списке рекомендуемой литературы, должно включать, в первую очередь, материалы статистического характера по Сибири и зарубежным регионам, работы как общеисторического характера, так и касающиеся конкретных фактов исторической демографии народов Сибири и зарубежных колонизуемых территорий. Из числа таких публикаций (зачастую, различной узкой тематики и характера) лектору важно подобрать и порекомендовать комплект в 10–12 наиболее важных и значимых для главных разделов курса работ, не увлекаясь перечислением всех известных, с существующим множест-

вом которых учащиеся физически не в состоянии будут познакомиться в ходе освоения курса. Следует особо подчеркнуть, что преподавание данного курса должно осуществляться высококвалифицированными учебными-профессионалами, имеющими опыт самостоятельных исследований демографического характера относительно населения Сибири и Дальнего Востока.

Следует полагать, что в результате прослушивания курса и реализации практических заданий учащийся будет уметь:

- определить на практике предмет и объект, источники демографического характера при проведении археологических исследований, возможности и перспективы реконструктивных историко-демографических интерпретаций на основе письменных источников, результатов этнографических исследований;

- выявить в максимальной степени приближения численность населения на базе установления количества и состава археологических памятников (в первую очередь, погребального характера) на конкретной местности;

- охарактеризовать демографическую структуру общества на основе половозрастного состава погребенных;

- рассчитать численность совокупного населения по сведениям о составе и численности воинских формирований средневековых государств Сибири и Центральной Азии;

- выявить численность совокупного коренного населения отдельных регионов Сибири на базе учета в ясачных книгах взрослого мужского окладного населения для периода до последней четверти XVII в., вводить увеличивающие коэффициенты для конца XVII – первой четверти XVIII в.;

- установить реальную численность совокупного коренного населения на основе данных ревизий, населения по административным территориям Сибири на базе данных текущей статистики в период между ревизиями и первой переписью, в межпереписные периоды;

- вводить увеличительные или уменьшительные коэффициенты при расчете реальной численности населения по данным их языковой (для переписи 1897 г.) и этнической (для переписи 1926 г.) принадлежности, относить к конкретным этносам демографические группы, отмеченные в переписи 1926 г., но исключенные из числа самостоятельных народов в переписях

последующих лет, идентифицировать с конкретными сибирскими народами экзотические национальности, отмеченные в материалах переписи 2002 г.;

- выбирать из комплекса имеющихся в историографии представлений наиболее оптимальные варианты предположений и расчетов относительно численности населения как Сибири, так и ряда зарубежных колонизируемых территорий в период, близкий времени русского освоения Сибири.

В целом результаты прослушивания данного учебного курса при условии выполнения изложенного выше комплекса требований, достижения указанных качеств, помогут учащимся в дальнейшем более определенно делать выводы о сути исторических и современных процессов в сфере демографии Сибири, на строго научной основе объяснять причины имевших место уменьшений численности населения, делать прогнозы на будущее, оценивать политику и конкретные действия государства в данной сфере и т. д. Одновременно, вместе с доведением до широкой общественности (в данном случае, студенческой) содержания успешной реализации одного из мероприятий Программы «Кадры», важнейшим элементом в составе результатов курса станет привлекательность для молодежи карьеры исследователя, работающего по научной тематике, имеющей столь выраженный практический выход. Несомненно, все это будет существенно способствовать обеспечению достаточно высокого уровня подготовки специалистов гуманитарного профиля в составе учебно-научного центра, выполняющего с активным использованием механизмов интеграции науки и образования двойную роль – во-первых, демонстрирующего успешность профессии ученого и преподавателя, во-вторых, осуществляющего эффективную подготовку молодых научных и научно-педагогических кадров, по своей квалификации соответствующих вузу, входящему в число ведущих университетов нашей страны и обладающему статусом Национального исследовательского университета.

Список литературы

Баумгартен А. Американский Геноцид. Ч. 1: Эпоха Колумба. URL: <http://www.left.ru/>

2002/22/baumgarten72.html#5 (дата обращения: 04.05.2008).

Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения / Под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата: Худож. лит., 1958. 643 с.

Вртанесян К., Палян А. З. Геноцид австралийских аборигенов // Акты геноцида в истории человечества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.genocide.ru/lib/genocides/australian.htm> (дата обращения: 05.10.2008а).

Вртанесян К., Палян А. Геноцид конголезского населения // Акты геноцида в истории человечества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.genocide.ru/lib/genocides/congo.htm> (дата обращения: 05.10.2008б).

Вртанесян К., Палян А. Уничтожение коренных народов Намибии // Акты геноцида в истории человечества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.genocide.ru/lib/genocides/herero-nama.htm> (дата обращения: 05.10.2008в).

Вртанесян К., Палян А. Геноцид армян в Турции: краткий исторический обзор // Акты геноцида в истории человечества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.genocide.ru/review.htm> (дата обращения: 05.10.2008г).

Выборнов А. В., Скобелев С. Г. Динамика численности коренного населения Южной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 года. Новосибирск, 2009. Т. 15. С. 495–498.

Деревянко А. П., Молодин В. И., Лбова Л. В. Основные принципы образовательной стратегии подготовки кадров по специальности «Археология» и «Этнография» в НГУ // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2005. Т. 4, вып. 5: Археология и этнография. С. 5–12.

Деревянко А. П., Молодин В. И., Худяков Ю. С., Лбова Л. В., Войтишек Е. Э., Новикова О. И., Скобелев С. Г. Опыт работы и перспективы дальнейшего развития механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности в рамках совместного учебно-научного центра Новосибирского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН по специализациям

«Археология», «Этнография» и «Востоковедение» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3 (Приложение 2): Археология и этнография. С. 3–28.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: АН СССР, 1960. 621 с.

Екеев Н. В. Об алтайских этнотерриториальных группах XIX – начала XX вв. (алтай-кижи, чуй-кижи, баят-кижи) // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. Горно-Алтайск, 1999. С. 224–230.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 470 с.

Кузнецова Е. В., Скобелев С. Г. Боевые потери коренного населения Сибири в Великой Отечественной войне (1941–1945 годы) // Уроки истории. Великая Отечественная и Вторая мировая войны, история России и мира XX–XXI веков: Сб. тр. Третьей междунар. науч.-практ. конф., 23–25 ноября 2009 года, Санкт-Петербург, Россия / Под ред. А. П. Кудинова. СПб., 2009а. С. 156–158.

Кузнецова Е. В., Скобелев С. Г. Социально-экономическое положение, правовой статус коренного жителя Сибири и их демографические последствия в сравнении с иными колонизируемыми территориями планеты // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня завтра»: Материалы регион. науч. конф. Новосибирск, 2009б. С. 241–250.

Кызласов Л. Р. О присоединении Хакасии к России. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1996. 64 с.

Молодин В. И., Скобелев С. Г. Опыт использования кадрового потенциала Института археологии и этнографии СО РАН в научно-образовательном процессе в области археологии, этнографии и востоковедения в ГОУ ВПО Новосибирский государственный университет (1998–2008 годы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 3–21.

Мортон А. История Англии. М.: Изд-во иностр. лит., 1950. 462 с.

Москаленко С. В., Скобелев С. Г. Русское аграрное освоение как предпосылка к ассимиляции коренного населения Приенисейского края в XVII–XIX вв. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освое-

ния Западной Сибири. Четвертые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 123–130.

Паспорт федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. URL: <http://fasi.gov.ru/fcp/nrki/fcp.doc> (дата обращения: 01.03.2009).

Рид С., Уоттс Дж. Местный контроль за здравоохранением // Сельское здравоохранение у малочисленных народов Севера Канады и России. Новосибирск, 2001. Ч. 2: Народная медицина. С. 7–17.

Скобелев С. Г. Демография как политика. Коренное население Сибири в составе Российской империи и СССР: динамика численности как отражение политики центра // *Ab Imperio*. Казань, 2002. № 2. С. 149–190.

Скобелев С. Г. Влияние эпидемий на динамику численности коренного населения Сибири в XVII–XX вв. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2003а. Т. 2, вып. 2: История. С. 34–45.

Скобелев С. Г. Основные причины неустойчивой динамики численности бурят в первой половине XX в. // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв.: Материалы V Всерос. науч. конф., 26–27 ноября 2003 г. Новосибирск, 2003б. Ч. 2. С. 175–179.

Скобелев С. Г. Основные тенденции и факторы этнодемографического развития коренного населения Сибири в русское время (XVII–XX вв.) // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: Сб. материалов Всерос. конф. «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.». Новосибирск, 22–23 сентября 2003 г. Новосибирск, 2003в. С. 138–145.

Скобелев С. Г. Актуальность и задачи изучения демографического развития ко-

ренного населения Сибири в XVII–XXI вв. в контексте аналогичных мировых процессов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006а. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография. С. 24–29.

Скобелев С. Г. Положительная динамика численности как важнейший показатель эффективности организации управления коренным населением Сибири в XVII–XXI вв.: необходимость и задачи изучения в контексте аналогичных мировых процессов // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв.: Материалы VI Всерос. науч. конф., 22–24 марта 2006 г. Новосибирск, 2006б. С. 314–320.

Скобелев С. Г. Население // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2. К–Р. С. 434.

Тарасов А. Империя и ее «благодеяния» // Русский архипелаг [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/rise-and-demise/empire> (дата обращения: 29.10.2008).

Drechsler H. Südwestafrika unter deutscher Kolonialherrschaft: der Kampf der Herero und Nama gegen den deutschen Imperialismus 1884–1915. Berlin: Akademie Verlag, 1985. 318 S.

Price A. G. White Settlers and Native Peoples. An Historical Study of Racial Contacts between English-Speaking Whites and Aboriginal Peoples in the United States, Canada, Australia and New Zealand. Melbourne: Georgian House; Cambridge Univ. Press, 1950. 232 p.

Материал поступил в редколлегию 03.03.2010

S. G. Skobelev

**THE BASIC REQUIREMENTS SHOWED TO A SPECIAL CYCLE OF EDUCATIONAL LECTURES
«A HISTORICAL DEMOGRAPHY OF SIBERIAS NATIVE PEOPLES»
IN NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY AS HIGH SCHOOL,
HAVING THE STATUS OF NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY**

Last years the state showed the raised attention to development of a science and higher school in our country. It has found expression as the national projects and large programs, including Federal target program «Scientific and scientific-

pedagogical staff of innovational Russia». Within the framework of the program in structure of collective of a joint educational-scientific centre of Novosibirsk state university and Institute archaeology and ethnography of the Siberian branch of the Russian academy of sciences the research project devoted to a historical demography of the native population of Siberia in Russian time in comparison with demographic processes on foreign colonies is carried out. One of conditions of realization of the project is the development of a cycle of lectures of scientific-educational character on his subjects for the students of high school. Accordingly, it is necessary to determine the basic requirements showed to such cycle of lectures in Novosibirsk state university as high school, having the status of National research university. First of all, they should consist in an opportunity of use of his materials for increase of a general educational level of the students of several specializations – archaeology, history, ethnography and journalism. Besides by results of listening such cycle of lectures the graduates on the given specializations should master specificity, research methods, base principles, concepts and terminology of demographic researches, to know the basic kinds and types of existing sources of demographic character, main stages of development of a historical demography as fundamental scientific theme in our country and abroad with the purposes of application of this knowledge in the future own researches for the qualified development of their demographic component.

Keywords: Priority national project «Education», Federal target program «Scientific and scientific-pedagogical staff of innovational Russia», national research university, educational-scientific centre, research project, population of Siberia, native population of foreign colonial territories, historical demography, comparisons, cycle of lectures.